

Власть, классовая структура и российская ментальность

(Размышления о книге М. Кивинена «Progress and Chaos: Russia as a Challenge for Sociological Imagination». Helsinki, 2002)

Н. ТИЛКИДЖИЕВ

При проведении сравнительных социологических исследований посткоммунистических стран всегда встает вопрос о справедливости отнесения России к той или иной группе стран или о том, насколько Россия отличается от других стран, в чем ее специфика, с учетом масштабов страны, ее истории и роли в новейшей и древней истории, во всем том, что делает ее несравнимой ни с одной другой страной. В России и за ее пределами было издано много работ о различных периодах российской истории, особенно об Октябрьской революции 1917 г., о годах нэпа, сталинских чистках, ужасном ГУЛАГе, «оттепели», пришедшей на смену абсурдному культу Сталина, крупномасштабном строительстве советской плановой экономики, годах застоя, горбачевской перестройке и ельцинском новом революционном времени, трудностях периода после распада Советского Союза, российских мафиозных кланах и миллиардах долларов «новых русских», обновленной структуре президентской власти. При таком внушительном количестве литературы по данному вопросу, нужно иметь необычайную творческую смелость, чтобы написать новое обобщающее исследование о многогранной системе власти, классовых отношений и культурных структур в Советском Союзе и России. Такую тяжелую задачу взял на себя выдающийся финский социолог Маркку Кивинен в своей книге «Прогресс и хаос», которой и посвящена данная статья.

Маркку Кивинен с самого начала определяет цель своей работы: он предлагает читателю «общий подход к властным отношениям, классам и культурным характеристикам России и Советского Союза». Книга является авторской социологической интерпретацией того, каким был Советский Союз и в каком направлении движется Россия сегодня. Кивинен ясно осознает, что такой подход затрагивает более широкий спектр вопросов, таких, как «перспективы критической социологии» и новые направления в рабочем движении, включая дилеммы противостояния «традиций левого крыла и левого фундаментализма» на Западе [Kivinen 2002, p. 14-20].

В качестве основного методологического положения автор принимает связь между отдельными событиями, крупными социальными структурами, а также историческими процессами (по его словам, «как надежно соединить мнения отдельных людей с макроструктурными проблемами»), которые пересекаются в сфере власти, социальной стратификации и культурных структур. Отталкиваясь от этих исходных пунктов, Кивинен использует различные источники эмпирической информации: выборочные обследования, интервью в фокус-группах, научные работы, классические и исторические тексты и документы, а также личные наблюдения. (Для специалистов будет интересно проникнуть в лабораторию методологии исследования: основные инструменты исследования приводятся в приложениях к книге.) Среди эмпирических исследований я выделю всесторонний сравнительный проект «Классовая структура и классовое сознание», проведенное в 1991 г. под руководством одного из наиболее известных аналитиков в этой области Эрика Олина Райта; в этом исследовании, включавшем скандинавские и балтийские страны, изучалась репрезентативная выборка населения Европейской России. Автор также использует результаты исследований, проведенных в Санкт-Петербурге в 1994 и 1996 гг. при финансовой поддержке Финской Академии Наук.

Не случайно, что М. Кивинен, имеющий богатый исследовательский опыт, долго работавший в США и Великобритании, прошедший свои последние исследования по России и Советскому Союзу, взялся за данную тематику. Близкий родственник автора (Калле Лепола, упомянутый в книге) был известным деятелем финской коммунистической партии. Он представлял основной доклад по сельским вопросам в 1931 г. на Съезде коммунистической и рабочей партии, а в драматичном 1937 г. «исчез» вместе со многими другими партийными лидерами, «собратями по оружию» Сталина. Таким образом, у автора была сильная профессиональная и личная мотивация к исследованию российской властной структуры и ментальности. Его работа приобрела особый личный ракурс, в котором соединяются теория, биография и личный опыт.

Исследование Кивинена базируется на четырех социологических концепциях: тоталитаризма (объяснение сталинского тоталитаризма, однопартийной системы, культа личности лидера и других форм авторитаризма, устраняющих людей с отличающимися взглядами, всеобщей пропаганды, насилия и репрессий), модернизации (поиск общих характерных черт в развитии западного и российского обществ), гражданского общества (огромное влияние диссидентских движений в странах Восточной Европы, особенно в 1960-е и 1980-е годы), социализма как особой институциональной структуры со своей собственной логикой развития. Ни одна из этих теорий сама по себе не являлась определяющей для анализа, каждая из них использовалась в сочетании с другими и в трех ракурсах: власть, классовые отношения и культурные структуры в Советском Союзе и России.

Автор объясняет, что отношение к гигантской соседней стране в Финляндии всегда было очень эмоциональным, Советский Союз выступал там «в дружеском облике, за которым порой прослеживалась угроза». Для многих интеллектуалов в Финляндии и других западных странах, особенно в странах с марксистским уклоном (во Франции и Великобритании), распад Советского Союза был равносильен смерти всемогущего божества. Однако, по словам Киви-

Власть, классовая структура и российская ментальность

нена, смерть божества, особенно на интеллектуальном уровне, смогла дать людям наилучшие возможности, поскольку там, где заканчивается вера, начинается рациональное мышление [Kivinen 2002, p. 16].

Несмотря на то что автор выделяет ряд достижений российских социологов, таких как Б. Грушин, Ю. Левада, В. Ядов, Л. Гордон, Т. Заславская, В. Шляпентох и другие, он также критически отзывается о том, что «в некоторой мере отсутствие теоретических подходов остается проблемой для российской социологической науки даже в настоящее время» [Kivinen 2002, p. 17].

Опираясь не на отдельные эмпирические исследования, что было бы неоправданно рискованно, а на российские и западные документальные источники, Кивинен анализирует сложную систему власти в Советском Союзе, парадокс, состоящий в том, что «борьба рабочего класса за демократию» и подлинные стремления обычных людей в конце концов привели к появлению и укреплению такой ужасной репрессивной системы, а также к массовому террору. Кроется ли причина этого в болезненном наследии российских авторитарных традиций? В какой момент все пошло не так? Ответ Кивинена категоричен: причина заключается в распаде советской системы как таковой вскоре после Октябрьской революции; «на самом деле власть советских людей была уничтожена в 1918 г.», а после этого они уже не имели реальной власти в стране Советов. Для большевиков власть Советов была промежуточным шагом на пути к концентрации власти в руках большевистской партии. Именно поэтому номенклатурная система, основанная вскоре, качественно отличалась от демократии в ее настоящем виде, а также от «советского правления» [Kivinen 2002, p. 27]. Быстрое снижение популярности большевиков вследствие их неспособности восстановить экономику привело, по мнению Кивинена, к замене принципа диктатуры пролетариата на диктатуру партии (по словам Троцкого, «диктатуру над пролетариатом»), включая разграничение, сделанное по распоряжению Ленина в 1918 г., на «хороших» и «плохих» рабочих, «зараженных мелкобуржуазной дезинтеграцией» [Kivinen 2002, p. 29]. Следует отметить, что идея проведения разделения внутри «рабочих масс» была выдвинута Лениным задолго до Октябрьской революции; в начале 1900-х годов он писал о важности выделения «организации профессиональных революционеров» из массы рабочих. Эта организация была предшественником будущей номенклатуры, впоследствии описанной многими авторами, например, М. Восленским в документальном шедевре «Номенклатура» (1984).

Я лишь перечислю ряд фрагментов, касающихся драматических изменений во властных отношениях в Советском Союзе: введение однопартийной системы; потеря власти Советами; марксистская и ленинская теории государства и власти в свете современных теорий демократии и фажданского общества; причины и объяснение сталинизма; элементы сталинизма и командно-административной системы; связь между элитами в Советском Союзе и современными российскими элитами и т. д. Многие из этих вопросов были обсуждены и истолкованы ранее, однако их трактовка Кивиненом является оригинальной. Он достигает интересного синтеза различных точек зрения по данному кругу вопросов: новые исследования известных западных социологов и политологов (А. Арато, А. Гидденс, Дж. Кин, С. Кларк, Д. Лейн, Р. Сартори, Д. Старк, А. Турен, С. Фарбер, С. Фицпатрик и др.) рассматриваются в сочетании с информацией из малоизвестных документальных источников, включая любопытные историчес-

кие данные, представленные авторами-документалистами, такими как А. Антонов-Овсеенко, Л. Баткин, О. Лацис, Р. Медведев и другие, а также с цитатами из классиков советской и постсоветской литературы (В. Гроссман, А. Платонов, М. Шолохов и др.).

Социологов, читающих эту книгу, особенно заинтересуют рассуждение и выводы автора о появлении новой элиты в России. После краткого экскурса в теории элиты и попытки классифицировать эти теории (начиная с А. де Токвиля и СВ. Миллса до Р. Даля, А. Грамши и М. Фуко) автор ищет корни советской элиты в особом статусе государственной администрации, воспроизводящей себя с помощью симбиоза партии и государственного аппарата, а также в присвоении власти различными сегментами номенклатуры. При этом автор вновь использует документы, материалы обследований, социологические экспертные оценки, тем самым придавая конкретность своим рассуждениям. В России второй половины 1990-х годов бывшие партийные лидеры, бывшие директора предприятий и бывшие менеджеры стали занимать доминирующую позицию в новой элите [Kivinen 2002, p. 74—75]. Согласно Я. Станискису, доминировало «воспроизводство элиты». Среди новых членов российской элиты можно выделить отдельных ученых, бывших комсомольских активистов, бывших предпринимателей «серой экономики», не легализовавших свой бизнес. Для Кивинена существуют три «отраслевых» компонента новой российской элиты: банки и торговые компании, ориентированные на экспорт промышленные отрасли (производство бензина и газа, добыча полезных ископаемых, металлургия), а также «естественные монополии» (производство электроэнергии, службы связи). При этом автор упоминает целые отрасли и компании, в которых существует значительная дифференциация среди кадрового состава, менеджмента и советов директоров. По мнению автора, новая элита еще не создала стабильной институциональной структуры, она существует в форме кланов, группировок, которые объединяют партнеров по бизнесу, клиентов и друзей; между этими кланами идет постоянная борьба. Это борьба за получение крупных субсидий из государственного бюджета, за привилегии в налогообложении, за экспортные и импортные квоты, за распределение кредитов крупных банков, за доступ к дешевой энергии, за более значительную долю в приватизации [Kivinen 2002, p. 76—77]; все это хорошо известно людям, знакомым с болгарским или любым другим посткоммунистическим обществом. Особую российскую специфику можно найти в масштабах гигантских компаний и капиталов, а также в гораздо более централизованной форме системы лоббирования интересов в президентской администрации, монополизировавшей значительную долю власти, с помощью личных связей, помогающих получить поддержку для будущих кампаний и т. д. Но здесь, по мнению Кивинена, научное исследование заходит в тупик: несмотря на дискуссии по поводу механизмов принятия решений в Кремле, эти механизмы остаются в секрете и могут быть лишь предметом догадок. Основной вопрос всех исследований остается прежним: какова структурная основа власти в России, чьи социальные интересы выражают сегменты власти? Ответы на эти вопросы могут быть найдены посредством анализа российской классовой структуры.

М. Кивинен посвятил российской классовой структуре одну из центральных глав книги. Он пришел к выводам, к которым другими путями пришли некоторые его коллеги, включая автора данной статьи. Он подчеркивает, что

Власть, классовая структура и российская ментальность

серьезное исследование классов «не базируется на взаимно несовместимых теориях». Марксистская (в новой трактовке Э.О. Райта) и веберинская (в новой модели Дж. Голдторпа) классовые теории являют собой полные противоположности, однако в конечном счете они могут дать одинаковые выводы по отдельным вопросам, например по вопросу социально-профессиональной конвергенции в современных обществах и, соответственно, конвергенции в подходах к их изучению (работы по этим вопросам написаны Х. Домански, Н. Гилкиджиевым, Дж. Эвансом и др.).

Кивинен развивает собственную концепцию «слабых классов» в современной России, которая отличает Россию от западных обществ, а все три классовых элемента — «буржуазия», средний класс и рабочий класс являются слабыми. Вот какую оценку дает еще один ведущий финский социолог Х. Мелин: в ближайшем будущем в России будет «небольшая и нестабильная элита с обширными ресурсами власти, относительно небольшой средний класс с ограниченными властными ресурсами, большой рабочий класс также с ограниченными властными ресурсами» (который не станет «классом для себя» в марксистском понимании) и растущие низшие слои; в этом контексте современное российское общество превратилось в своеобразное «общество рабочего класса».

Принимая основной элемент идеи Кивинена о «слабых классах» в период посткоммунизма (т. е. как нечто характерное и для других бывших социалистических стран), отметим два момента, которые следует обсудить, чтобы дополнить аргументацию данного тезиса.

Первый момент заключается в недостатках неомарксистской теории Э. О. Райта, которую, по-видимому, использует Кивинен, особенно в более общем смысле (на эмпирическом уровне, как я отмечал, неомарксистская и неовеберинская теории являются на самом деле совместимыми). Различие в отношении к «макроклассам» — буржуазии, среднему классу, рабочему классу — слишком сложное для того, чтобы применять его в качестве общих концептов к посткоммунистическим странам, а также в качестве понятий, выведенных в соответствии с традиционными классовыми критериями (способы производства, форма собственности и т. д.). Здесь, на мой взгляд, более удобно использовать веберовскую общую теорию многомерной стратификации в ее более современных трактовках, отражающую постмодернистские процессы в современных обществах, процессы эволюции классово-стратификационных структур (в частности перехода от традиционных классов к социальным стратам, основанных на статусном принципе), т. е. на базе различного социально-экономического престижа (профессионального престижа) основных видов деятельности, который эмпирически измеряется как разница в образовании и доходе в каждом культурном статусе. Если следовать этой линии, то в современной России и в других постсоциалистических странах может быть выстроена иерархия реальных социальных страт. Кивинен писал об этом в своих работах, посвященных данным вопросам. Таким образом, некоторая доля «неовеберинства и неомарксизма» была бы полезна для анализа.

Вторая проблема состоит в том, что очень хороший вывод о «слабых классах» в России мог бы быть объяснен с учетом специфики определенного периода существования классовой структуры. В прежнем социалистическом обществе классовые элементы не сосуществовали на базе равенства: в то время как партийно-государственная номенклатура играла доминирующую, «центроостре-

нительную» роль в советском обществе, другие классовые группы играли неавтономную, вспомогательную роль в том, что касалось выработки решений. В данном смысле сегодняшнее снижение всемогущества бывшей номенклатуры естественно ведет к сосуществованию новых неавтономных групп, возникших из прежних групп: бывшая интеллигенция, рабочие и т. д. Как всесторонне показал Кивинен, сегодняшняя российская партийно-государственная элита воспроизводит большое количество характеристик, присущих прежней номенклатуре. Изменения, которые произошли начиная с «перестройки» Горбачева, представляют собой нечто похожее на модифицированную реконструкцию прежних властных отношений, но с «демократическим лицом». В таких условиях естественным следствием становится появление «слабых классов».

Я не считаю нужным подробно останавливаться на целой главе по классам, которую читатель сможет с удовольствием прочесть; добавлю два критических замечания. Полагаю, что не стоит поспешно отвергать идеологический тезис о «бесклассовом советском обществе», а также функционалистский тезис о «потере теоретической эффективности» классового подхода в западной социологии. Идеологический тезис имеет «сверх-идеологический» уровень: ленинская формулировка об «уничтожении классов» может быть проинтерпретирована не только в качестве идеологического и политического инструмента, но и в более широком теоретическом контексте, отраженном в работах российского историка Л. Даниловой. Более важным, на мой взгляд, является то, что мы не должны недооценивать упомянутые направления эволюции от классового деления к статусно-стратификационному и социально-профессиональному делению, которое стало очевидным в 1970-е и 1980-е годы как для западных и восточноевропейских социологов, так и для российских ученых (таких, как Л. Гордон, А. Назимова, О. Шкаратан и др.). Это неизбежно повлекло за собой изменение в когнитивных подходах и применяемых инструментах. Я не говорю здесь также о других важных аспектах, таких, как возросшая в последние десятилетия важность «горизонтальных неравенств» между полами, возрастными когортами, этническими группами, регионами. Развитие жизнеспособного и многообещающего классового подхода, на котором настаивает Кивинен, неизбежно проходит через неовеберианскую интерпретацию марксистского принципа об «отношениях к средствам производства, возникающих в процессе производства». Более того, возможно, различие между «классовой позицией» и «классовым положением» было переоценено в духе неомарксистского подхода к классам Э.О. Райта. Возможно, «классовое положение» является на самом деле эмпирически измеримой конкретизацией «классовой позиции»: взаимосвязь собственности и власти эмпирически точно выражается в терминах дохода, образования, рыночных позиций, трудовых отношений и т. д.

Кивинен много раз предупреждает нас о рисках упрощения классового подхода, сведения классов к биполярным групповым отношениям и догматической интерпретации собственности, власти и эксплуатации. Он также предлагает читателю интересную типологию различных взглядов и подходов к классовой структуре в Советском Союзе и России [Kivinen 2002, р. 87—112]. Естественно (как это обычно и бывает в теории), каждый автор добавляет свою личную точку зрения по той или иной проблеме в соответствии с собственными предпосылками и личной сферой интересов. Кивинен отличается от болгарских со-

Власть, классовая структура и российская ментальность

циологов, которые в силу исторических и лингвистических причин могли следовать за публикациями российских исследователей, тем, что он предпочитает дискуссию в более широком контексте с привлечением работ по советским и российским классам западных специалистов (таких, как финские социологи — сам М. Кивинен, Р. Блом и Х. Мелин; а также С. Кларк, Дж. Ремер и Э.О. Райт, включая, безусловно, известных Г. Маркузе и М. Хоркхаймера, Д. Белла, Н. Чомски и П. Бурдьё).

Значительная часть книги Кивинена посвящена появлению в России среднего класса. Один из ключевых вопросов — применима ли концепция среднего класса в экономически отсталой России. Основные подвопросы: созданы ли условия для стабильного воспроизводства значительной доли существующей срединной страты, точно определяемой как совокупность предпринимателей, интеллигенции, административных работников и менеджеров; и, во-вторых, как обеспечить условия для того, чтобы эти страты получили новую, влиятельную, доминирующую, стабилизирующую социальную роль автономных социальных субъектов общества. Вследствие отсутствия этих двух условий в посткоммунистических обществах, более уместно было бы говорить о зарождающемся среднем классе (по словам Кивинена, «потенциальном среднем классе»), чем об уже сформировавшейся реальности. В данном смысле термин «советский средний класс», на мой взгляд, неприменим, он искусственно перенесен из западной социологии (сам Кивинен не соглашается с таким переносом терминов в отношении уникальной советской и российской реальности). В рамках такого критического восприятия я не считаю убедительным и многообещающим соединение концепций среднего класса и отчуждения (было бы понятней, если бы она была отнесена к степени автономии, но почему к отчуждению, не добавляет ли это ненужного теоретического идеологизирования вслед за Райтом и его понятием так называемой «противоречивой классовой идентичности») [Kivinen 2002, p. 135—136]. Являются ли дедукция и операционализация отчуждения плодотворной перспективой? Возможно, более обещающим подходом была бы индукция, обобщение эмпирических реалий? Или почему бы, по крайней мере, не использовать сочетание двух подходов? В современном российском обществе средний класс является категорией обобщения особого состояния классовых групп — средних страт. Замена понятия «класс» на «страту» является принципиальным вопросом, а не просто вопросом терминологии.

Кивинен анализирует новые процессы и тенденции в развитии классовых отношений в современной России, роль номенклатуры и «государственной» приватизации в перераспределении государственных ресурсов, появление «новых собственников» и «новых русских», близость «потенциального среднего класса» («базового среднего класса») к рабочему классу, поддержка государственными лидерами и крупными собственниками так называемого «главного проекта» по развитию российской рыночной экономики, создание крупными собственниками особого стиля жизни для себя (основанного не на высокой культуре, а на западных моделях потребления). Итоговый вывод Кивинена (выдвигаемый им в процессе обсуждения нескольких возможных вариантов социального развития) заключается в том, что Россия, с одной стороны, идет по прогрессивному пути развития к рынку и демократическим принципам; а с другой стороны, находится в состоянии «глубокой социальной дезорганизации».

[Kivinen 2002, p. 155]. Отсюда и общее название книги: «Прогресс и хаос» (сравните также: [Kivinen 2002, p. 190—195].

Для более широкого круга читателей и особенно для культурологов, политологов и историков я бы рекомендовал еще одну основную главу книги, посвященную российской культуре и менталитету. Обладая широкими познаниями в области российской истории и культуры, Кивинен сумел постичь глубочайшие пласты российской духовной жизни, понять мотивы утопий, прослеживающихся в российской литературе, политических программах и религиозных фантазиях, народных традициях и легендах. Автор исследует утопии крестьян (страх крестьян перед властью, страх перед городской и центральной администрацией, перед евреями и другими инородцами, перед технологическим прогрессом), великую идею о «Могучей России» (которая оправдывает доминирование небольшой элиты во имя военных целей, эта идея была особенно насущной в феодальной России, но существовала и после феодализма), панславизм и идеи православного братства. Предыстория российской утопии заключается, с точки зрения Кивинена, в наличии плодородной почвы для развития социалистической мифологии, в которой могла прижиться доктрина «нового рабочего коллективизма», а также для религиозного обожествления Ленина и Сталина. Для Кивинена изменяющаяся религиозная история России, отсутствие в ней Реформации, лютеранства и протестантизма в классическом понимании определило акцент не на индивидууме и индивидуальных достижениях (так необходимых для развития капиталистических социальных взаимоотношений в веберовском смысле), а на коллективном опыте, на преданности коллективному самопожертвованию (символический литературный герой Павел Корчагин) [Kivinen 2002, p. 173—174]. Сочетая критический анализ событий в советской России с ссылками на авторов, писавших по этой обширной тематике, а также интервью с людьми разных профессий в рамках фокус-групп, автор предлагает очень яркую картину драматической и трагической судьбы России, множества противоречивых событий в жизни российских людей.

Перевод с английского ИМ. Иванова

Литература

Kivinen M. Progress and Chaos: Russia as a Challenge for Sociological Imagination. Helsinki: Kikumora Publications, 2002.

В рус. переводе: Кивинен М. Прогресс и хаос. Социологический анализ прошлого и будущего России. М: Академический проект, 2002.